

и в них видела главное орудие для скрепления широко раскинутых, разноплеменных и разнообразных по характеру частей империи. Знание мудрости Конфуция сделалось необходимым условием для получения должности мандарина (чиновника управления). В течение долгих веков до нашего времени происходили экзамены на чины: экзаменующихся запирали для исполнения письменных работ в особые кельи, где они проводили иногда несколько суток; соревнование было весьма велико, а испытания очень строги, так что напр. на 30.000 испытуемых в трех самых населенных областях выдавались только 500 дипломов. За то карьера ученого чиновника была вполне общедоступна: в Китае не существовало никаких привилегий (преимуществ) и никаких ограничений.

Образованный высший класс, занимавший должности, удовлетворялся рассудочной (рационалистической), от латинского слова ratio = разум) религией, проповеданной Конфуцием. Сам Конфуций и его ученики, силой императорских указов возведенные в небесный чин святых, богами не сделались: в посвященных им храмах нет никаких идолов или изображений; имена их начертаны на досках, стоящих на алтаре; в честь их только поются гимны и славословия. Почитание Конфуция входит в состав государственных обрядов, исполняемых императором, придворными сановниками и мандаринами. Только правящие и должностные лица могут приносить жертвы и обращаться с молитвами к великому Шанди (по старому обычаю под открытым небом), к солнцу, луне и звездам. Весь остальной народ воспринимает благодать от высших богов не иначе, как через их посредство.

Для конфуцианцев было ясно, что народные массы не могут успокоиться на такой сухой и далекой от них обрядности. Поэтому они допустили старые, привычные народу заклинания бесов, позволили даосам справлять молебны для прекращения засухи, для отражения опасности от тигров, для спасения душ утонувших и т. д., хотя в глазах просвещенных правителей и чиновников все эти обычаи основаны на грубых предрассудках. Мало того: конфуцианцы искусно воспользовались народными верованиями для целей управления.

Во всяком городе империи читается особый бог-покровитель, который есть не что иное, как умерший мандарин-правитель данной округи, императорским указом вознесенный в число небожителей. Небесный чин этих богов вполне отвечает значению данного города в империи: на небе такая же лестница почета, как и на земле; перейдя на тот свет, бывший градоначальник как бы продолжает руководить паствой; он ведет летопись добрых и злых дел человеческих: о первых докладывает великому небесному богу, о вторых князю ада. Городской бог — точно соглядатай адского правителя; в его храме обыкновенно изображены на стенах мучения, которым подвергаются нечестивцы в 10 отделениях адь, называемых «подземными тюрьмами».

Конфуцианцы не запрещают верить, согласно понятию дао-